

УДК 070.15 + 32.019.51
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-121-130

«Группы смерти»: медиаконструирование социальной проблемы в обществе постправды

Р. В. Жолудь, В. В. Фурсова

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия*

Аннотация

Рассматриваются особенности медиаконструирования социальной проблемы российскими СМИ на примере кейса «групп смерти» (2015–2017 гг.) в контексте влияния общества постправды на массовую коммуникацию. В ходе анализа выявляются факторы, формирующие искажение представлений о социальной проблеме, проводится аналогия с распространением в СМИ фейковых новостей. Особое внимание уделяется роли государства в медиаконструировании социальной проблемы «групп смерти» и ее идеологическом наполнении. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что в обществе постправды медиаконструирование социальной проблемы протекает при эмоциональном, некритичном восприятии недостоверной, идеологически заостренной информации. С использованием фактического материала показывается разрыв между сконструированным в СМИ представлением о «группах смерти» и их реальным социальным значением.

Ключевые слова

медиаконструирование, группы смерти, общество постправды, социальные сети, идеология, фейковые новости, СМИ

Для цитирования

Жолудь Р. В., Фурсова В. В. «Группы смерти»: медиаконструирование социальной проблемы в обществе постправды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 121–130. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-121-130

“Death Groups”: The Media Construction of a Social Problem in the Post-Truth Society

R. V. Zholud, V. V. Fursova

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the features of media construction of a social problem by the Russian media on the example of the case of “death groups” (2015–2017) in the context of the influence of post-truth society on mass communication. The analysis reveals factors that form the misstatement in vision of a social problem; an analogy is drawn with the spread of fake news in the media. Special attention is paid to the role of the government in the media construction of the social problem of “death groups” and its ideological content. Based on the study, it is concluded that in post-truth society, media construction of a social problem proceeds with an emotional, uncritical perception of false, ideo-

© Р. В. Жолудь, В. В. Фурсова, 2020

logically sharpened information. The gathered facts show a mismatch between the media representation of “death groups” and their real social sense.

Keywords

media construction, death groups, post-truth society, social media, ideology, fake news, mass media

For citation

Zholud R. V., Fursova V. V. “Death Groups”: The Media Construction of a Social Problem in the Post-Truth Society. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, p. 121–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-121-130

Концепция медиаконструирования как механизма социального познания в современном мире активно разрабатывается в социологии журналистики уже более двадцати лет. Однако в последние несколько лет практика массовой коммуникации подверглась значительной деформации в связи с формированием так называемого общества постправды. Если ранее исследователи говорили об искажениях в процессе медиаконструирования, то сейчас, на наш взгляд, в основе медиаконструирования элементов социальной реальности нередко изначально лежат ложные представления, которые формируются на основе фейковых новостей и других составляющих общества постправды. Данная рабочая гипотеза была сформулирована нами в результате анализа освещения проблемы так называемых «групп смерти» в российских массмедиа, который и стал отправной точкой настоящего исследования.

Целью данного исследования является изучение механизма медиаконструирования социальной проблемы «групп смерти» в российской медийной сфере в условиях общества постправды. Исходя из цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть генезис и эволюцию представлений о «группах смерти» в российской медиасфере;
- описать деформационные процессы в медиаконструировании проблемы «групп смерти» в медиасфере общества постправды и определить их последствия.

Актуальность исследования связана с необходимостью изучения особенностей медиаконструирования социальной реальности и ее элементов в условиях, когда традиционные базовые принципы функционирования журналистики и медиасферы обретают выраженную дисфункцию. Изучение феномена «групп смерти» в контексте медиаконструирования ранее не проводилось, его научная значимость обусловлена необходимостью понимания причин, механизмов и последствий медиаконструирования социальных проблем в обществе постправды.

Эмпирическую базу исследования составили:

- материалы российских федеральных новостных и русскоязычных СМИ, посвященные проблеме «групп смерти», опубликованные в период 2015–2020 гг. (всего проанализировано 126 публикаций; выборка осуществлялась по наличию ключевых слов «группа смерти»);
- результаты мониторинга тематических сообществ в социальной сети «ВКонтакте» в 2015–2018 гг. (мониторинг осуществлялся по ключевым словам и тематическим хештегам).

Основные методы анализа эмпирического материала: содержательный, сравнительный, структурный.

В социологии журналистики понятие «медиаконструирование» используется в различных контекстах: сейчас говорят о медиаконструировании реальности [Couldry, Hepp, 2017] или образа мира [Хорошилов, 2019. С. 10], о медиаконструировании социальных проблем¹ или даже социальной памяти [Елисеева, 2017. С. 93]. Практически все исследователи отмечают неизбежность медиаконструирования действительности и ее отдельных элементов широчайшим распространением массмедиа и их мощным влиянием на аудиторию. При этом опять-таки практически все исследователи процессов медиаконструирования указывают

¹ Панкова Г. К. Функции и дисфункции медиасферы в проблематизации социальных противоречий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9585> (дата обращения 20.02.2020).

на деформацию смыслов в процессе медиатизации, которая приводит к неизбежным искажениям картины мира, негативным социально-психологическим эффектам: указывают на негативные последствия таких механизмов, как фрейминг, прайминг, установление повестки дня (agenda setting), «фильтры медиа» и т. п. [Большц, 2011]; иногда речь идет о дегуманизации как глобальном последствии медиатизации [Шайхитдинова, 2010]. Также обращается внимание на то, что «в эпоху массовой коммуникации идеология является не только репрезентацией социальной реальности, но и средством её медиаконструирования» [Тузиков, 2003. С. 16].

Состояние публичной сферы и роли массовой коммуникации и института журналистики в ней было пересмотрено в 2016 г., когда в политический дискурс прочно вошло понятие постправды, в специальной литературе существовавшее и ранее [Keyes, 2004]. Особенности общества постправды определяют как:

- отсутствие интереса общества к фактам и свидетельствам, как следствие – падение авторитета политических лидеров и экспертных сообществ;
- оценка событий, проблем и явлений на основе эмоций и заранее сформированных психологических установок; как следствие – развитие популизма;
- широкое распространение фейковых новостей в Интернете и СМИ;
- разделение общества на информационно закрытые друг от друга сообщества, как следствие – дисфункция журналистики как общественного посредника [Ball, 2017; Жолудь, 2018; Садчиков, 2018].

Проблема «групп смерти»: фейки, законы и идеология

Тема так называемых «групп смерти» появилась в российских массмедиа в 2016 г. после гибели 16-летней жительницы г. Уссурийска Ренаты К., фигурировавшей в Интернете под псевдонимом Рина Паленкова, 23 ноября 2015 г. Девушка оставила на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» предсмертную записку и покончила с собой. Информация о случившемся, включая фотографии тела погибшей, распространилась по социальным сетям и вызвала бурную реакцию пользователей.

Случай с предсмертной запиской в социальной сети не был первым. Например, в 2012 г. 19-летний омский студент в день самоубийства также выложил прощальное послание во «ВКонтакте»². В 2015 г. так же поступает 15-летняя девушка из Минска³. Однако именно история Рины Поленковой получила наибольшую огласку. Некоторые сообщества во «ВКонтакте» («F57», «Тихий дом» и др.) использовали подробности трагедии для привлечения внимания аудитории социальной сети к своей деятельности. Администраторы сообществ начали распространять информацию о том, что именно они через психологическое воздействие во время некой онлайн-игры заставили девушку совершить самоубийство. По всей видимости, именно так среди пользователей социальной сети начало формироваться мифологическое представление об игре, в ходе которой людей склоняют к суициду. Такие сообщества получили название «группы смерти».

Следует отметить, что сообщества и форумы в Интернете, посвященные тематике смерти и, в частности, самоубийства, существовали и ранее. Однако их контент и коммуникационные стратегии радикально отличались от возникших «групп смерти». В них собиралась «тематическая» музыка, литературные тексты, администраторы поощряли общение пользователей друг с другом, не распространяя при этом, как правило, фейковые сообщения и не вовлекая участников в какие-либо игры.

² Аксенова К. В Омске студент покончил с собой во время лекции, сообщив об этом «ВКонтакте» // IZHLIFE. 19.03.2012. URL: <https://izhlife.ru/crime/18362-v-omske-student-pokonchil-s-soboy-vo-vremya-lekcii-soobschiv-ob-etom-vkontakte.html> (дата обращения 20.02.2020).

³ Телеграф: Совершившая суицид лицеистка оставила предсмертную записку во «ВКонтакте» // Telegraf.by. 05.10.2015. URL: <https://telegraf.by/proisshestviya/302265-sovershivshaya-suicid-devochka-ostavila-predsmertnuyu-zapisku-vo-vkontakte/> (дата обращения 20.02.2020).

В «группах смерти» образ и поступок Рины Паленковой стал идеализироваться и представляться участникам (как правило, большинство из них составляли школьники и студенты) как образец для подражания. Группы стали распространять информацию о случаях новых подростковых суицидов, якобы произошедших в ходе «игры». Однако большинство самоубийств, которые упоминались как результат «игры», не нашли официального подтверждения и, как нам представляется, являлись фейковыми сообщениями на основе инсценировок.

В этот же период во «ВКонтакте» усилиями «групп смерти» стала получать распространение игра «Синий кит», представлявшая собой типичную «игру в альтернативную реальность» (ARG, alternate reality game). Особенностью подобных игр является ситуация, в которой у игрока нет точного понимания, где заканчивается игровой процесс и начинается реальная жизнь⁴. «Синий кит», а также быстро распространившиеся аналоги стали в глазах пользователей Сети конкретным воплощением мифологической «игры», в которой участникам дают суицидальные задания. Отметим, нам также не удалось обнаружить достоверных сообщений о смертях в результате вовлечения в игру «Синий кит».

После проверки обстоятельств гибели Рины Паленковой Следственный комитет РФ прекращает уголовное дело, определив, что она «добровольно покончила жизнь самоубийством»⁵. Однако к концу 2015 г. общественное обсуждение «групп смерти» в России вышло за пределы социальных сетей. Например, 16 декабря 2015 г. общественная организация «Лига безопасного Интернета» направила в МВД запрос о расследовании и пресечении организованного суицида среди подростков. В 2016 г. Елена Мизулина (на тот момент депутат ГД РФ) выступила с заявлением на ту же тему, и уже через две недели после него ряд российских школ получил распоряжения принять предупредительные меры⁶. По стране прошли школьные собрания для учителей и родителей учеников, на которых разъяснялась опасность влияния «групп смерти» в Интернете на подростков. Таким образом к распространению неподтвержденной, мифологизированной информации подключаются СМИ, общественные и государственные организации. Начинается основной этап медиаконструирования социальной проблемы «групп смерти», он подпитывается, как мы видим, не только сообщениями массмедиа, но и активностью государственных и некоммерческих организаций.

11 марта 2016 г. в программе Первого канала «Человек и закон» вышел сюжет о гибели Антонины Д., девочки из Рязани, попавшей под влияние «групп смерти». Но самой резонансной стала публикация в «Новой газете» от 16 мая 2016 г. Статья «Группы смерти» Галины Мурсалиевой⁷ повлекла за собой серию материалов в других СМИ и вызвала большой интерес к суицидальным сообществам и, как следствие, массовую истерию. «С детьми в социальных сетях работают системно и планомерно, шаг за шагом подталкивая к последней черте», – утверждает в первых строчках публикации Галины Мурсалиевой. Однако эмоциональность повествования в данной статье, к сожалению, часто подменяет объективные доказательства громкого утверждения. Тем не менее утверждения о координировании «групп смерти», системной «охоте» за российскими подростками, до сих пор никем не доказанные, становятся основной движущей силой распространения «моральной паники» в обществе, продолжавшейся около трех лет. Подробный анализ данного процесса представлен в отчете экспертной группы РАНХиГС [Архипова и др., 2017].

⁴ Пчелкин К. С. Осторожно – игры в альтернативной реальности (A.R.G.)! // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ostorozhno-igry-v-alternativnoy-realnosti-a-r-g> (дата обращения 20.02.2020).

⁵ Зыков В. Следственный комитет закрыл дело Рины Паленковой // Известия. 05.06.2017. URL: <https://iz.ru/599946/vladimir-zykov/sledstvennyi-komitet-zakryl-delo-riny-palenkovoi> (дата обращения 20.02.2020).

⁶ ГУ МВД России по Кемеровской обл. В Кемерове полицейские рассказали родителям школьников, как убереечь детей от наркотиков и «групп смерти» // Сайт ГУ МВД России по Кемеровской обл. 28.02.2017. URL: <https://42.mvd.pf/news/item/9554331/> (дата обращения 20.02.2020).

⁷ Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. 16.05.2016. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения 20.02.2020).

Справедливости ради стоит отметить, что часть российского журналистского сообщества усомнилась в достоверности публикации Г. Мурсалиевой. Даже заместитель главного редактора «Новой газеты» Сергей Соколов, отвечая на критику статьи, 20 мая 2016 г. оправдывался, что публикация является всего лишь очерком и не претендует ни на исследование, ни на расследование; основной целью было донести до общества проблему и опасность, которую она несет⁸.

Медиаконструирование проблемы о «системном подталкивании» детей к суициду достигло своего апогея в середине 2016 г. Несмотря на единичные случаи гибели подростков, на недоказанность связи их смерти с влиянием интернет-сообществ, образ угрозы консолидировал вокруг себя массовую аудиторию, СМИ и социальные институты (включая государственные), т. е. всех участников массовой коммуникации.

Анализируя процессы медиаконструирования и распространения представлений об угрозе для российских подростков, идущей из Интернета, нельзя не обратить внимание на то, что в них проявляются характерные для фейковых новостей черты. Во-первых, распространение происходит из социальных сетей в СМИ, что характерно для фейков. Во-вторых, принятие сообщений на веру протекает некритично, что также дает возможность для благоприятного распространения фейковых новостей. Наконец, скорость распространения фейков связывают с эмоциональной заряженностью информации: она, как правило, вызывает отрицательные эмоции и затрагивает чувствительные для индивида и общества темы [Shao et al., 2018; Vosoughi et al., 2018; Fletcher et al., 2018]. Представления о спланированном подталкивании к самоубийству российских подростков затрагивает самые разные пласты индивидуальных и социальных страхов: от тревоги за своих близких до конспирологических теорий и беспокойства за государственную безопасность. Не случайно требования защитить российских подростков от «групп смерти» продолжают существовать и по сей день на высшем государственном уровне⁹.

Интересно, что волна обсуждения «групп смерти», вышедшая из интернет-сообществ, набрав силу в «традиционной» медийной сфере, снова вернулась в социальные сети, усилив интерес к теме среди целевой аудитории – самих подростков. Глава проекта «Роскомсвобода» А. Козлюк считает, что «группы смерти» являются хорошим примером проявления «эффекта Стрейзанд», когда запрет информации только повышает заинтересованность в ее получении: «Взрослые умудрились открыть такой ящик Пандоры, который закрыть уже тяжело. Такое внимание к “синим китам”, наоборот, пробуждает интерес подростков»¹⁰.

В борьбу с суицидальным контентом включились Роскомнадзор и администрация социальной сети «ВКонтакте»: были удалены сообщества, записи, содержащие хештеги «Синий кит», «Тихий дом», «Море китов», «F57», «4:20» и др.

Проблема «групп смерти» привела к появлению в Интернете и сообществ волонтеров, которые стали искать информацию о суицидальных сообществах, их владельцах и передавать ее правоохранительным органам или администрации «ВКонтакте». Другое направление данной волонтерской деятельности заключалось в психологической поддержке рядовых участников «групп смерти», призывах отказаться от мыслей о суициде, работе с родственниками и знакомыми игроков. Такие волонтеры называли себя «дельфинами».

Уже в 2016 г. общественная дискуссия на тему «Кто стоит за “группами смерти”?» заметно идеологизируется, в ней возникают элементы конспирологии. В фильме «Куда уходит

⁸ Соколов С. Заместитель главного редактора «Новой газеты» Сергей Соколов отвечает на вопросы читателей о статье «Группы смерти» // Новая газета. 20.05.2016. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/18/68644-zamestitel-glavnogo-redaktora-171-novoy-gazety-187-sergey-sokolov-otvechaet-na-voprosy-chitateley-o-statii-171-gruppy-smerti-187> (дата обращения 20.02.2020).

⁹ Интерфакс: Путин потребовал защитить школьников от «уродов» из «групп смерти» // Интерфакс. 22.01.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692249> (дата обращения 20.02.2020).

¹⁰ Черных А., Титов С. «Синие киты» оказались страшнее «Исламского государства» // Коммерсантъ. 08.03.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3236648> (дата обращения 20.02.2020).

детство?»), показанном каналом НТВ в ноябре 2016 г., появляется идея, что организаторы «групп смерти» выбирали для обработки «детей из положительных семей, одаренных». В марте 2017 г. в нескольких передачах, показанных на российских каналах, говорится о «грамотно построенном механизме зомбирования», а также излагаются версии о «коварно спланированной атаке» и «мировом заговоре». Утверждается, что деятельность групп координируется из единого центра. В ток-шоу «Мужское / женское» на Первом канале звучит рассказ о том, что «кураторы» получают деньги за каждого ребенка, причем за «лучших» детей платят больше. Эти же идеи излагаются в репортаже на канале НТВ. Однако доказательств реальности таких утверждений так и не появилось.

Тем не менее идеологическая составляющая проблемы получила свое развитие в выступлениях политиков, чиновников и даже представителей экспертного сообщества. Губернатор Ульяновской области С. Морозов в марте 2017 г. заявил о практике «покупки душ» на заседании Совета безопасности региона: «За каждую смерть платят, а если это еще и одаренный ребенок – платят вдвойне». При этом губернатор утверждал, что организаторы «групп смерти» представляют собой сеть даже более страшную, чем запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство»¹¹. Менеджер по интернет-маркетингу ПАО «Мегафон» Антон Елизаров заявил, что «абсолютно точно это украинский национализм»¹². Вице-президент Российской криминологической ассоциации, доктор философских наук Игорь Сундиев определил игры в суицидальных группах как «элемент современной информационной гибридной войны»¹³. Директор «Центра исследований легитимности и политического протеста» Евгений Венедиктов возложил ответственность на «спецслужбы зарубежных стран»¹⁴, а исламовед Галина Хизриева увидела возможную связь групп самоубийц с террористами¹⁵. Так сконструированная проблема стала работать на подпитку важных идеологием того времени: антиукраинской и антизападной риторики, борьбы с терроризмом. Примечательно, что перед силой идеологического воздействия медийного образа не устояли даже представители экспертного сообщества.

Осознание проблемы вылилось и в законотворчество. Призывы Е. Мизулиной признать использование Интернета отягчающим обстоятельством при склонении к самоубийству, выступления других депутатов Госдумы привели к появлению в 2017 г. в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) статей 110¹ («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства») и 110² («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»), а также к изменениям в статье 110 («Доведение до самоубийства»)¹⁶. Поправки в закон устанавливали или ужесточали наказание за указанные выше преступления и должны были бороться с «группами смерти».

15 ноября 2016 года, еще до внесения поправок в УК РФ, правоохранительные органы арестовали 21-летнего Филиппа Будейкина – организатора «групп смерти». Событие имело большой резонанс в СМИ, однако подтверждений идеологическим версиям существования «групп смерти» получить не удалось. Подсудимый по первому делу о попытке доведения до самоубийства двух несовершеннолетних с использованием Интернета был приговорен

¹¹ Черных А., Титов С. «Синие киты» оказались страшнее «Исламского государства».

¹² РИА Новости: В «Мегафоне» рассказали, кто стоит за «группами смерти» в соцсетях // RIA.RU. 16.02.2017. URL: <https://ria.ru/20170216/1488157346.html> (дата обращения 20.02.2020).

¹³ Милкус А. «Как стать феей огня из Винкс»: кто курирует смертельные игры для детей в смартфонах и планшетах // Комсомольская правда. 02.03.2017. URL: <https://www.tumen.kp.ru/daily/26649/3669289/> (дата обращения 20.02.2020).

¹⁴ Филатов А. Возвращение «синего кита» // Известия. 14.02.2017. URL: <https://iz.ru/news/664617> (дата обращения 20.02.2020).

¹⁵ Минаева В. Исламовед Галина Хизриева: «Группы смерти могут контролироваться террористами» // Комсомольская правда. 30.10.2019. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/27048/4114909/> (дата обращения 20.02.2020).

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.02.2020).

к 3 годам 4 месяцам в колонии-поселении. Следствие также проверяло его на причастность к гибели 15 подростков, но вины не обнаружило¹⁷.

В целом судебная практика также показала, что «группы смерти» стали, скорее, сконструированным в медийной сфере «удобным врагом», чем реальной социальной проблемой. По крайней мере, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за преступления по ст. 110, 110¹ и 110² УК РФ с использованием Интернета в 2018 г. было осуждено 6 человек, в первой половине 2019 г. – 2 человека¹⁸. Эти данные резко контрастируют с масштабом медийной истерии по данному поводу. Ф. Будейкин стал медийным воплощением зла, хотя реальные обстоятельства его уголовного дела были куда менее впечатляющими; остальные осужденные вообще привлекли мало внимания СМИ и общественности.

Гораздо интереснее то, что с февраля 2017 г. на фоне информационного бума по поводу уголовного дела Ф. Будейкина возникает новый всплеск активности «групп смерти» – на этот раз с новой игрой «Беги или умри» [Архипова и др., 2017]. Не исключено, что данную активность спровоцировало как раз бурное обсуждение дела Будейкина в СМИ. В свою очередь, возникновение новой игры стало толчком для новых выступлений в СМИ и продолжения «моральной паники». Здесь можно отметить, что такой эффект «заражения» и взаимовлияния также может интерпретироваться в пользу спонтанного распространения «групп смерти» без централизованного управления.

Статистические данные также указывают на то, что появление «групп смерти» и борьба с ними не повлияли на показатели подростковых самоубийств в стране. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы, за 2011–2017 гг. количество самоубийств в возрастных группах 10–14 лет и 15–19 лет ежегодно уменьшалось. Так, в 2011 г. (за 4 года до появления «групп смерти» и их игр) показатель по группе от 10 до 14 лет составлял 2,5 чел. на 100 тыс. чел. в год, в 2014 – уже 2, а в 2017 году – 1,55; а по группе от 15 до 19 лет в 2011 – 16,3, в 2014 году – 12,5 и в 2017 – 8,37 чел.¹⁹

Необходимо подчеркнуть, что мы не пытаемся в данной статье полностью опровергнуть представление о социальной опасности «групп смерти» и их игр. Однако представленные выше сведения показывают, что сами по себе они не являлись основными факторами подростковых суицидов. Проблема детских и молодежных самоубийств – гораздо более сложная, комплексная. Возложение вины на интернет-сообщества, превращение их в главного врага – это крайнее упрощение проблемы, из-за которого в ее общественном обсуждении упускаются другие факторы, приводящие к суицидам среди молодежи. Старший помощник председателя Следственного комитета РФ Игорь Комиссаров считает: «Нельзя убить или заставить совершить преступление по Интернету. В большинстве случаев ребенок принимает решение о лишении себя жизни под воздействием сразу нескольких факторов... сам Интернет никогда не играл в этом главную роль. Это только средство коммуникации. Не надо демонизировать его влияние» [Meduza, 2018]. Однако доля подобных экспертных оценок оказалась ничтожной и, по-видимому, не оказала существенного влияния на медиаконструирование данной проблемы.

Представления о деструктивном влиянии «групп смерти» и координировании их деятельности появились в основном благодаря медиаконструированию, в котором принимали участие социальные институты, СМИ и массовая аудитория. Надежных данных, свидетельствующих о том, что «группы смерти» были основными причинами совершенных подростковых суицидов, обнаружить не удалось.

¹⁷ Мурсалиева Г. Лис признал свою вину // Новая газета. 20.07.2017. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/20/73191-lis-priznal-svoyu-vinu> (дата обращения 20.02.2020).

¹⁸ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 20.02.2020).

¹⁹ Смертность от самоубийств // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58547> (дата обращения 20.02.2020).

Представления о координировании «групп смерти» являются идеологизированной интерпретацией проблемы, сконструированной в СМИ, и не имеют под собой реальных оснований. Однако они были успешно включены в общий идеологический контекст обсуждения угроз, актуальных в то время.

Процесс медиаконструирования проблемы «групп смерти» зародился спонтанно в социальных сетях, затем попал в сферу традиционных массмедиа, где при поддержке СМИ, политических, государственных, общественных деятелей и экспертного сообщества закрепился в общественном сознании. Особую роль в данном процессе играют государственные органы, легитимизировавшие сконструированную проблему.

Особенностью данного процесса медиаконструирования социальной проблемы стала цикличность «заражения»: обсуждение в социальных сетях оказывало влияние на традиционную медийную сферу, та, в свою очередь, провоцировала новую волну интереса к проблеме в социальных сетях.

Медиаконструирование проблемы «групп смерти» имело общие черты с распространением фейковых новостей. Это представляется неслучайным, так как большая часть информации о проблеме строилась на недостоверных и неподтвержденных сведениях. Значительная часть информации являлась бездоказательной, но эмоционально окрашенной, однако ее оказалось достаточно для не критичного восприятия. Тема «групп смерти» стала также предметом популистских выступлений публичных фигур. Этот феномен в массовой коммуникации характерен для общества постправды.

Спонтанность, заражение, не критичность и эмоциональность восприятия, участие в процессе всех субъектов массовой коммуникации (СМИ, социальные институты, массовая аудитория) – отличительные особенности механизма медиаконструирования социальных проблем в обществе постправды.

Можно предположить, что мы имеем здесь дело с механизмами заражения и подражания, которые в социальных сетях работают очень быстро в силу технологических особенностей интернет-коммуникации. Не следует забывать и того, что социальные сети – это структуры, имеющие определенную топологию, которая также может создавать эффект организованности и даже управляемости участниками коммуникации. В любом случае, данные гипотезы требуют проверки в отдельных исследованиях.

Список литературы

- Архипова А. С. и др.** Группы смерти: от игры к моральной панике. М.: РАНХиГС, 2017. 24 с.
- Больш Н.** Алфавит медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
- Елисева М. А.** Революция как кризис духовного наследия: механизмы медиаконструирования // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы. Саратов: КУБиК, 2017. С. 93–97.
- Жолудь Р. В.** «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117–124.
- Садчиков Д. И.** Фейковые новости в социальных сетях: механизмы распространения и воздействия на аудиторию // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург: Ин-т современных технологий управления, 2018. С. 753–764.
- Тузиков А. Р.** Теории идеологии в западной социологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик массмедиа. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2003. 60 с.
- Хорошилов Д. А.** Оцифрованный разум: медиатизация социального познания в культуре, науке и искусстве // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 4. С. 9–22.
- Шайхитдинова С. К.** Медиа теория: и «физики», и «лирики» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». 2010. № 5. С. 120–132.

- Ball J.** Post-Truth: How Bullshit Conquered the World. London, 2017, 320 p.
- Couldry N., Hepp A.** The mediated construction of reality. Cambridge, 2017, 290 p.
- Fletcher K. et al.** Measuring the reach of “fake news” and online disinformation in Europe. Reuters Institute for the Study of Journalism. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/measuring-reach-fake-news-and-online-disinformation-europe> (accessed: 20.02.2020).
- Keyes R.** Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York, 2004, 312 p.
- Shao Ch. et al.** The spread of low-credibility content by social bots. *Nature Communications*, 2018, vol. 9. URL: <https://arxiv.org/abs/1707.07592v4> (accessed: 20.02.2020).
- Vosoughi S. et al.** The spread of true and false news online. *Science*, 2018, vol. 359, no. 6380. URL: <http://science.sciencemag.org/content/359/6380/1146> (accessed: 20.02.2020).

References

- Arhipova A. S. et al.** Gruppy smerti: ot igry k moral'noj panike [Death groups: from game to moral panic]. Moscow, RANKhiGS, 2017, 24 p. (in Russ.)
- Ball J.** Post-Truth: How Bullshit Conquered the World. London, 2017, 320 p.
- Bolts N.** Azbuka media [The ABC of media]. Moscow, Evropa, 2011, 136 p. (in Russ.)
- Couldry N., Hepp A.** The mediated construction of reality. Cambridge, 2017, 290 p.
- Eliseeva M. A.** Revoljutsiya kak krizis dukhovnogo naslediya: mehanizmy mediakonstruirovaniya [Revolution as a crisis of spiritual heritage: mechanisms of media construction]. In: *Filosofiya vremeni: ontologicheskie nachala i tsennostnye diskursy*. Saratov, KUBiK Publ., 2017, p. 93–97. (in Russ.)
- Fletcher K. et al.** Measuring the reach of “fake news” and online disinformation in Europe. Reuters Institute for the Study of Journalism. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/measuring-reach-fake-news-and-online-disinformation-europe> (accessed: 20.02.2020).
- Keyes R.** Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York, 2004, 312 p.
- Khoroshilov D. A.** Otsifrovannyj razum: mediatizatsiya sotsial'nogo poznaniya v kul'ture, nauke i iskusstve [Digitized mind: mediatization of social cognition in culture, science and art]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2019, vol. 10, no. 4, p. 9–22.
- Sadchikov D. I.** Fejkovye novosti v sotsial'nykh setyakh: mekhanizmy rasprostraneniya i vozdejstviya na auditoriyu [Fake news on social networks: mechanisms of distribution and impact on the audience]. In: *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya*. Ekaterinburg, Institut sovremennykh tekhnologij upravleniya, 2018, p. 753–764. (in Russ.)
- Shajkhitdinova S. K.** Mediateoriya: i “fiziki”, i “liriki” [Media theory: both “physicists” and “lyricists”]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. “Gumanit. Nauki”*, 2010, no. 5, p. 120–132. (in Russ.)
- Shao Ch. et al.** The spread of low-credibility content by social bots. *Nature Communications*, 2018, vol. 9. URL: <https://arxiv.org/abs/1707.07592v4> (accessed: 20.02.2020).
- Tuzikov A. R.** Teorii ideologii v zapadnoj sotsiologii: ot kritiki “lozhnogo soznaniya” k analizu diskursivnykh praktik massmedia [Theories of ideology in Western sociology: from criticism of “false consciousness” to analysis of discursive practices of massmedia]. Moscow, Institut sotsialno-politicheskikh issledovaniy RAN, 2003, 60 p. (in Russ.)
- Vosoughi S. et al.** The spread of true and false news online. *Science*, 2018, vol. 359, no. 6380. URL: <http://science.sciencemag.org/content/359/6380/1146> (accessed: 20.02.2020).
- Zholud R. V.** “Era pospravdy” v zapadnoj zhurnalistike: prichiny i posledstviya [The era of post-truth in Western journalism: causes and consequences]. *Vestnik VSU. Filology. Journalism*, 2018, no. 3, p. 117–124. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.02.2020

Сведения об авторах

Жолудь Роман Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

roman@21vek.org

Фурсова Виктория Викторовна, выпускница магистратуры факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

roman@21vek.org

Information about the Authors

Roman V. Zholud, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)

roman@21vek.org

Victoria V. Fursova, Graduate of the Master Program, Faculty of Journalism, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)

roman@21vek.org